

И. Ю. МАТВЕЕВА *

ORCID ID: 0000-0003-2211-2188

**ДИАЛЕКТИКА СТРАСТНОСТИ И СВЯТОСТИ В РОМАНЕ
ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: ОБРАЗ НАСТАСЬИ
ФИЛИППОВНЫ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ
(КЛЕОПАТРА И СВ. МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ)**

Аннотация: В статье доказывается, что основные характеристики героини романа Достоевского — страстность и святость — восходят к мифологическим образам царицы Клеопатры и св. Марии Египетской. Основные темы и мотивы поэтического фрагмента А. С. Пушкина «Египетские ночи» о царице Клеопатре и житийных источников, посвященных раннехристианским святым, во многом определяют развитие сюжетной линии героини и структуру образа Настасьи Филипповны. В романе Достоевского два мифологических сюжетных рисунка реализуются в полной мере и своим разнонаправленным движением не только создают внутренний динамизм образа Настасьи Филипповны, но и определяют трагический исход ее судьбы.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Идиот», образ Настасьи Филипповны, образ Клеопатры, образ св. Марии Египетской.

INGA MATVEEVA

**THE DIALECTICS OF PASSION AND HOLINESS
IN THE NOVEL “THE IDIOT” BY DOSTOEVSKY: THE IMAGE
OF NASTASIA FILIPPOVNA AND ITS LITERARY SOURCES
(CLEOPATRA AND ST. MARY OF EGYPT)**

Annotation: The article proves that the main characteristics of the heroine of Dostoevsky’s novel — passion and holiness — go back to the mythological images of Queen Cleopatra and St. Mary of Egypt. The main themes and motives of the poetic fragment of A. S. Pushkin’s “Egyptian Nights” about Queen Cleopatra and hagiographic sources dedicated to early Christian saints largely determine the development of the storyline of the heroine and the structure of the image of Nastasia Filippovna. In Dostoevsky’s novel, the two mythological plot

* Инга Юрьевна Матвеева, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств; Inga Yuryevna Matveeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Art of the Russian State Institute of Performing Arts. inga.matveeva.spb@gmail.com

lines are fully realized and, with their multidirectional movement, not only create the inner dynamism of the image of Nastasia Filippovna, but also determine the tragic outcome of her fate.

Key words: Dostoevsky, novel “The Idiot”, image of Nastasia Filippovna, image of Cleopatra, image of St. Mary of Egypt.

В силу сложившейся еще в XIX в. традиции героев в романах Достоевского делят на два типа — на «кротких» и «ожесточенных»¹. В отношении женских персонажей соответственно говорят о противостоянии «смирненных» и «гордых» героинь. Однако такой прямолинейный подход упрощает и схематизирует художественную антропологию писателя. Не случайно в современных исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, все настойчивее подчеркивается господство «двойственности» в художественном пространстве его романов; например, К. А. Степанян утверждает, что в художественном мире Достоевского происходит «удвоение действительности, образов, сцен, имен, смыслов»². Наглядной иллюстрацией этого является мысль А. А. Гизетти о том, что не только культ девы Марии с «идеей чистоты и свободы от страстей телесных» утверждал писатель, но и «собственно женскую, стихийную правду», которая проявлялась и в жене, и даже в блуднице³.

Наибольший интерес для научных и творческих интерпретаций, а также наиболее горячие споры всегда вызывал образ Настасьи Филипповны Барашковой. Героиня романа «Идиот» естественно входит в галерею своевольных и гордых красавиц, героинь-инфернальниц, к которым традиционно относят Авдотью Романовну Раскольникову, сестру главного героя романа «Преступление и наказание», Катерину Николаевну Ахмакову, героиню романа «Подросток», Грушеньку из романа «Братья Карамазовы»⁴. Однако помещение Настасьи Филипповны в этот типологический ряд ни в коем случае не исчерпывает содержания ее образа.

Для идеологии и структуры романа «Идиот» образ Настасьи Филипповны имеет принципиальное значение: в художественном пространстве романа идея преображения мира должна была воплотиться через сюжет спасения Мышкиным, князем Христом, Настасьи

¹ Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 247.

² Степанян К. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 148.

³ Гизетти А. А. Гордые язычницы (К характеристике женских образов Достоевского) // Творческий путь Достоевского: Сб. статей. Л., 1924. С. 187.

⁴ Прототипом гордых и страстных героинь романов Достоевского справедливо называют А. Сулову, см.: Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994.

Филипповны, поруганной красоты⁵, а трагическая развязка романного сюжета во многом была предопределена неразрешимым конфликтом, который обнаружил писатель в героине. Мы остановимся на внутреннем антиномизме характера героини, постараемся показать, из каких противоречивых слагаемых складывается один из самых ярких и волнующих женских образов в русской литературе.

В интерпретациях образа Настасьи Филипповны уже давно были обозначены две противоположные тенденции. В одном случае осмысление внутреннего содержания образа подчиняется общей идее романа — трагической невозможности преобразить распадающийся современный мир христианской любовью Мышкина. В этой связи в истории Настасьи Филипповны Л. А. Левина выделяет тему нарастающего безумия, причем само безумие осмысливается как трагический результат «вмешательства» в жизнь героини Мышкина, князя-Христа⁶. Однако в романной судьбе Настасьи Филипповны можно усмотреть развитие совершенно иной темы. Т. А. Касаткина акцентирует внимание на ее имени, которое символизирует чудо воскресения: по мысли исследовательницы, в динамике образа Настасьи Филипповны высшая природа, соотносимая с Богородицей, побеждает низшую, связанную с образом Венеры, хотя это стоит героине жизни⁷.

На наш взгляд, сама возможность столь противоположных интерпретаций свидетельствует о том, что действующие в героине разнонаправленные начала, которые можно обозначить как страстность и святость, в их внутреннем развитии не сменяют друг друга, а постоянно сталкиваются в неразрешимом противоречии на протяжении всей романной истории.

Установка на «литературность», т. е. на литературное происхождение образа Настасьи Филипповны, как полагаем, принципиальна для его понимания. Напомним одну из характеристик, данных героине в последней части романа Аглаей: «Про вас Евгений Павлыч сказал <...>, что вы книжная женщина...» (8, 472). В начале повествования сама Настасья Филипповна сопоставляет предложение Мышкина о замужестве с сюжетом «романа»: «Ну, это там... из романов» (8, 138). Тип героини и ее историю совершенно справедливо возводят к романам аббата Прево «Манон Леско» и А. Дюма-сына «Дама

⁵ В основе сюжета спасения Мышкиным Настасьи Филипповны И. И. Евлампиев видит реализацию гностического мифа о «мистическом браке»; см.: *Евлампиев И. И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского*. СПб., 2021. С. 388–415.

⁶ *Левина Л. А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский и мировая культура*. СПб., 1994. С. 97–118.

⁷ *Касаткина Т. А. Роман Достоевского «Идиот»: пространство свободы // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2014. С. 79–86.*

с камелиями»⁸, но мы сосредоточим свое внимание на других литературно-мифологических источниках. В рисунке характера и биографии Настасьи Филипповны прослеживаются отсылки к противоположным женским архетипическим образам — страстной и жестокой царицы Клеопатры, с одной стороны, и раскаявшейся грешницы, более конкретно Марии Магдалины или св. Марии Египетской, с другой. Для нас принципиально, что эти противоположные архетипы, вводящие разнонаправленные мотивы страстности и святости, включены в структуру образа Настасьи Филипповны и реализуют свой смысловой потенциал одновременно.

В романе героиня появляется в четырех развернутых сценах (в доме у Иволгиных, в сцене именин, в сцене скандала в Павловске «на музыке» и в финальной встрече с Аглаей), а также в трех эпизодах, однако на протяжении всего повествования разговоры, мнения, оценки, предположения о ней множатся и, что характерно, диссонируют между собой, никак не складываясь в единую целостную картину. В результате при внешнем развитии жизненной драмы героини противоречивость ее внутреннего облика не преодолевается, а только усиливается.

Исходная характеристика Настасьи Филипповны в художественном пространстве романа задана вполне однозначно; об этом в первой же сцене в поезде вполне компетентно заявляет всезнающий Лебедев, отвечая на вопросы Рогожина: «А Настасья Филипповна есть Барашкова, так сказать даже знатная барыня, и тоже в своем роде княжна, а знает с неким Тощким, с Афанасием Ивановичем, с одним исключительно, помещиком и раскапиталистом, членом компаний и обществ, и большую дружбу на этот счет с генералом Епанчиным ведущие...» (8, 11). Положение в обществе и образ жизни Настасьи Филипповны формально соответствуют определению «содержанка». Тем не менее Гаврила Ардалионович Иволгин, называющий в разговоре с князем Мышкиным Настасью Филипповну «чужой любовницей» (8, 103), которую он за деньги готов взять в жены, чуть позже утверждает, что Настасья Филипповна «женщина добродетельная» и не живет с Тощким (8, 106). Характеристики, данные героине, как будто намеренно раздваивают ее образ, они подчеркнута противоречивы и формальное их соединение невозможно в одной личности.

Внутренняя противоречивость героини обозначается уже при первом появлении ее образа в виде портрета. При взгляде на портрет Мышкин восклицает с жаром: «Удивительно хороша!» (8, 27) При втором взгляде на портрет Мышкин скажет: «Удивительное лицо!» (8, 31) Но тут же герой обнаружит принципиальное противоречие: «Лицо

⁸ См.: *Альтман М. С.* Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // *Международные связи русской литературы: сб. статей.* М.; Л., 1963. С. 359–369; *Кибальник С. А.* «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына и творчество Достоевского (от круга чтения к стратегиям письма) // *Культура и текст.* 2016. № 3 (26). С. 44–59.

веселое, а она ведь ужасно страдала...» (8, 31) Последующие характеристики только углубляют обозначенное противоречие: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она?» (8, 32) Внешний облик Настасьи Филипповны поражает своими контрастами и, вероятно, это одна из причин, почему впечатление от лица героини в дальнейшем будет вызывать у Мышкина страх, герой скажет, что не может «вынести» лица Настасьи Филипповны: «...я боюсь ее лица!» (8, 484)

Заметим, что сущностная двойственность героини будет прямо обозначена в романе несколько раз. Сначала Лебедев в разговоре с Мышкиным делает странное замечание, что Настасья Филипповна «двуязычна» (8, 167). Затем похожее определение звучит в характеристике, которую дает Настасье Филипповне генерал Иволгин, объясняя князю Мышкину драматичную ситуацию, сложившуюся в его доме: «Приготовляется брак, и брак редкий. Брак двусмысленной женщины и молодого человека...» (8, 81) Слово «двусмысленная», формально определяя положение Настасьи Филипповны в свете как содержанки Тощкого, на наш взгляд, звучит намеренно символически, выражая двойственную натуру героини. Можно добавить, что и Тощкий замечал в Настасье Филипповне «какую-то варварскую смесь двух вкусов» (8, 114).

Как мы полагаем, противоположные начала в образе героини Достоевский вполне последовательно возводит к двум противоположным мифологическим архетипам. Первый — это образ царицы Клеопатры в его интерпретации, созданной А. С. Пушкиным. В исследовательской литературе обращают внимание⁹ на цитату из текста Пушкина, возникающую во фрагменте несостоявшейся свадьбы Настасьи Филипповны и Мышкина: «Княгиня! За такую княгиню я бы душу продал! — закричал какой-то канцелярист. — “Ценою жизни ночь мою!..”» (8, 492). Цитата в качестве претекста вводит в роман поэтический фрагмент незавершенной повести Пушкина «Египетские ночи»¹⁰. О пристальном внимании Достоевского к пушкинскому тексту свидетельствует статья писателя 1861 г., где он, полемизируя с позицией «Русского вестника» по поводу популярного понятия «эманципация», дал развернутый комментарий к этому поэтическому фрагменту¹¹.

⁹ См.: *Касаткина Т. А.* «Ценою жизни ночь мою...» Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // *Московский пушкинист*. 1998. Вып. V. С. 16–21; *Шолты Г.* Настасья Филипповна и Клеопатра. Поэтический процесс развертывания смысла в романе «Идиот» // Достоевский. Философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012. С. 165–172.

¹⁰ Трактовка Достоевского возникла благодаря включению пушкинского поэтического фрагмента о царице Клеопатре в контекст «Египетских ночей». См. примечание А. И. Батюто (19, 301–302).

¹¹ Статья «Ответ “Русскому вестнику”» (Время: журнал литературный и политический, издаваемый под ред. М. Достоевского (СПб.: Тип. Э. Праца). 1861. Май. Отд. V. С. 15–39) была связана со скандалом, который активно обсуждался в прессе, а именно публичным чтением женой председателя Казенной палаты в Перми Е. Э. Толмачевой поэтического фрагмента о царице Клеопатре из «Египетских ночей» (напомним, что об этом же эпизоде вспоминает Свидригайлов в романе «Преступление и наказание»).

Текст о царице Клеопатре¹², включенный в повесть «Египетские ночи» в виде поэтического выступления импровизатора, по существу связан с размышлениями Пушкина о силе, которая управляет поступками людей. Пушкин остановился на эпизоде, изложенном античным историком Аврелием Виктором, о любовниках Клеопатры, отвечающих на ее жестокое предложение пожертвовать жизнью ради ночи ее любви. Первые два героя принимают вызов Клеопатры не ради самой любви: суровым воином движет гордость («Снести не мог он от жены / Высокомерного презренья»), изнеженный мудрец, «рожденный в рощах Эпикура», не ценит жизни вообще. Лишь третий герой, который не оставил «имени векам», отзывается страстью на страшный вызов царицы («Страстей неопытная сила / Кипела в сердце молодом»)¹³. По мысли Ю. М. Лотмана, с начала 1820-х гг. в полемике с Ж.-Ж. Руссо Пушкин вырабатывает мысль, что «не врожденная добродетель, а “страсти роковые”, страсти, которые сильнее страха смерти и в равной мере способны породить и самопожертвование и преступление, движут человеком»¹⁴.

В своем комментарии к поэтическому фрагменту Пушкина Достоевский прежде всего проводит мысль об историческом эпохальном слове: языческий мир, представший в лаконичных поэтических формулах Пушкина, видится Достоевскому как мир, в котором «утрачена всякая

В журнальной войне «Русский вестник» с охранительных консервативных позиций осуждал Толмачеву, задаваясь вопросом, имела ли право госпожа Толмачева быть выразительницей, как писали, «чудовищной страстности» на благотворительном вечере в пользу сиротских приютов.

¹² Раннее знакомство Пушкина с сюжетом о царице Клеопатре, изложенным Аврелием Виктором, состоялось через текст-посредник. См.: *Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам: Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 22. Л., 1988. С. 93–97. О других источниках сюжета см.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // *Пушкин*. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 99, 101–102; *Степанов Л. А.* Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс // *Эстетические взгляды писателя и художественное творчество*. Краснодар, 1981. С. 34–47; *Астафьева О. В.* Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра» // *Владикавказские Пушкинские чтения*. 1993. Вып. 1. С. 145–158; *Барский О. В.* Пушкин и Тьеполо // *Пушкин и время*. Томск, 2010. С. 305–307.

¹³ *Пушкин А. С.* Клеопатра // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Кн. 1 (Михайловское. 1824–1826). СПб., 2019. С. 22.

¹⁴ *Лотман Ю. М.* У истока сюжета о Клеопатре // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. С. 364. Движение смыслов в процессе работы Пушкина над текстом восстанавливается по двум значительным редакциям — 1824 и 1828 гг., первоначальная редакция связана с традициями исторической элегии, в позднейшей редакции образ царицы Клеопатры приобретает черты романтической, демонической героини. Включение стихотворного фрагмента о царице Клеопатре в поздние незавершенные прозаические тексты («Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче») актуализирует сопоставление законов, нравов, психологии современного и древнего мира. См.: *Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // *Пушкин*. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 23.

вера), а общество «совратилось и в холодном отчаянии предчувствует перед собой бездну и готово в нее обрушиться» (19, 135)¹⁵. Вызов Клеопатры Достоевский называет «чудовищным», «демонским счастьем», саму Клеопатру именуется «гиеной», видит в ней душу «мрачно-фантастического, страшного гада», поступки ее, по словам писателя, определяются «бешеной жестокостью», которая «уже давно исказила эту божественную душу и уже часто низводила ее до звериного подобия» (19, 136). Но особенно важно, что Достоевский, опираясь на пушкинское слово о «грустном» взоре Клеопатры, видит в ней потенциал возрождения. Катастрофичность состояния мира, изображенная Достоевским в связи с пушкинским стихотворным произведением, ведет мысль писателя к идее спасения: «От выражения этого адского восторга царицы холодеет тело, замирает дух... и вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш божественный искупитель. Вам понятно становится и слово: искупитель...» (19, 137)

Этими словами можно охарактеризовать не только сюжет евангельской истории Христа, но и сюжет романа Достоевского. Лев Николаевич Мышкин, князь-Христос, приходит в мир, в котором страшные, животные страсти исказили человеческую природу. Состояние мира соотносится в тексте романа с концом истории, описанном в Апокалипсисе, причем это сближение возникает в связи со странным, немотивированным во внешнем плане романа интересом Лебедева к Откровению Иоанна Богослова. Лебедев, который «в толковании Апокалипсиса силен», обсуждает с Настасьей Филипповной этот текст. И героиня соглашается с Лебедевым, что «мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как все в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут...» (8, 167)

Важнейший элемент мифа о царице Клеопатре — это ее невероятная женская красота. Красота становится важнейшей темой романа «Идиот» и возникает она прежде всего в связи с образом Настасьи Филипповны. Впервые о красоте героини скажет Мышкин при взгляде на ее портрет, о чем уже шла речь выше. Об иррациональной, мощной силе воздействия красоты на мир говорит Аделаида: «Такая красота — сила, <...> с этакою красотой можно мир перевернуть!» (8, 69) Для нас существенно, что тема красоты, возникающая как внешняя примета главной героини, приобретает особый метафизический статус, сопрягается с темой преображения мира¹⁶. Уместно вспомнить, что Дмитриий

¹⁵ Об эволюции в понимании Достоевским образа Клеопатры, от ранних упоминаний к роману «Идиот» и Пушкинской речи см.: *Щетинин Р. Б.* Диалог античной и христианской традиций в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 15–17.

¹⁶ Об особом статусе понятия «красота» и формулы «мир спасет красота» в романе Достоевского и в русской религиозной философии см.: *Новикова Е. Г.* «Мир спасет красота» Ф. М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX вв. // *Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 97–124.*

Карамазов в последнем романе Достоевского также скажет о красоте как загадке, как о «таинственной вещи», в которой «дьявол с Богом борется» (14, 100).

Красота Настасьи Филипповны связана с устойчивым мотивом загадочности. При взгляде на портрет Настасьи Филипповны Мышкин ощущает необходимость как будто «разгадать» загадку — «разгадать что-то скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча» (8, 68). Ранее взгляд героини производил то же впечатление на Тоцкого: «Этот взгляд глядел — точно задавал загадку» (8, 38). Позже Ганя Иволгин заметит: «Она видишь какие загадки загадывает!» (8, 102)

К образу Клеопатры восходит и тема власти, высокого социального статуса, возникающая в связи с Настасьей Филипповной. В самом начале романа «княжной» назовет Настасью Филипповну Лебедев (8, 11), затем «княгиней» (8, 11) будет именовать ее Рогожин, а в сцене именин появится слово «королева»: «Моя! Все мое! Королева!..» (8, 143) С еще большей убежденностью Рогожин повторит это же наименование после того, как Настасья Филипповна бросит пачку денег в камин: «Вот это так королева!» (8, 146) Причем в сюжете романа социальная характеристика «княгиня» может вполне реализоваться, когда Мышкин предлагает Настасье Филипповне выйти за него замуж, именно это слово произносит сама героиня: «“Значит, в самом деле княгиня!” — прошептала она про себя как бы насмешливо...» (8, 140) Позже она со злобой заметит Епанчину и Тоцкому: «Я теперь и сама княгиня...» (8, 141)

С наибольшей очевидностью связь образов Настасьи Филипповны и Клеопатры проявляется в сцене именин первой части романа, в которой переосмыслен сюжет пушкинского стихотворного фрагмента о «торге страстным». Тема «торга» в романе Достоевского реализуется буквально — жадной разбогатеть движим Ганя Иволгин, денежным вознаграждением предполагает решить дело с Настасьей Филипповной Тоцкий, генерал Епанчин дарит героине дорогой жемчуг накануне предполагаемой свадьбы, а Рогожин приносит 100 тысяч. В романном мире именно «торг», денежные расчеты становятся мощным импульсом для развития сюжета. Причем в романе тема денег накрепко связывается с темой страсти — по разным причинам герои «торгуются» за благосклонность и любовь Настасьи Филипповны. Настасья Филипповна так расскажет о Рогожине, появившемся в доме Иволгиных: «Давеча вот он закричал как сумасшедший, что привезет мне вечером сто тысяч, и я все ждала его. Это он торговал меня...» (8, 136) Далее, упрекая Ганю, Настасья Филипповна повторит те же слова о «торге»: «Ведь он в твоём доме, при твоей матери и сестре, меня торговал...» (8, 137) Единственный герой, который противопоставит «торг» и «любовь» — это князь Мышкин, он готовится сказать о Гане Иволгине: «...он вас не любит, а любит ваши деньги» (8, 114).

Сюжет о царице Клеопатре в произведении Пушкина Достоевский комментирует как выражение исторического перелома, при этом

направление дальнейшего движения истории зависит именно от желаний и поступков героини: «Пир; его картина. Царица была весела, она оживляла своих гостей, но вот она задумалась, она склонилась головой над золотой чашей, гости безмолвны, все молчит. Эти гости, вероятно, знают свою царицу и ждут чего-нибудь чрезвычайного» (19, 135).

Сцена именин в романе «Идиот», которая начинается со слов «королевы» Настасьи Филипповны о том, что она весела и собирается выпить три бокала шампанского, во многом является определяющей для судьбы большинства героев; как замечено в романе: «...почти уже все гости узнали, что в этот вечер назначено быть очень важному решению...» (8, 120) Не случайно с самого начала вечера опытный светский человек Тоцкий «был видимо не в духе и даже в каком-то несвойственном ему замешательстве» (8, 116). Приблизительно в тех же красках описано состояние генерала Епанчина: «...оба были в некотором затаенном беспокойстве по поводу худо скрываемого ожидания обещанного объявления насчет Гани» (8, 115). По поводу Гани отмечено, что он был «тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсем “нелюбозный”» (8, 115). Наиболее отчетливо значительность события, переживаемая как пограничная — между жизнью и смертью, обозначена в характеристиках Рогожина. Еще в доме Иволгиных он задает вопрос о возможном замужестве Настасьи Филипповны «как потерянный, как божеству какому-то, но с смелостью приговоренного к казни, которому уже нечего терять» (8, 97), и ожидает ответа «в смертной тоске» (8, 97). Позже, явившись с деньгами на именины, Рогожин «стал, ни слова не говоря и опустив руки, как бы ожидая своего приговора» (8, 135). Ганя Иволгин, чья судьба также решается у нас на глазах в сцене именин, «ощущал горячую потребность достоять до конца у своего позорного столба...» (8, 132) Нечто роковое в судьбе Настасьи Филипповны, значительность ее жизни ощущается Мышкиным в самом начале романа, уже при взгляде на ее портрет. В сцене же именин при встрече с героиней Мышкин «был ослеплен и поражен до того, что не мог даже выговорить слова» (8, 118).

К числу многочисленных параллелей между сценой именин и поэтическим текстом Пушкина о царице Клеопатре можно отнести и появление мотива скуки, выражающего ожидание чего-то предельно важного в обеих ситуациях. Об атмосфере вечера в романе отмечено: «Остальные гости <...> не только не могли особенно оживить разговор, но даже и просто не знали, о чем говорить» (8, 116). В параллель к этому, характеризуя состояние мира, к которому обратился Пушкин, Достоевский говорит о Клеопатре: «Ей теперь скучно, но эта скука посещает ее часто. Что-нибудь чудовищное, ненормальное, злорадное еще могло бы разбудить ее душу. Ей нужно теперь сильное впечатление» (19, 136).

В сцене именин напряжение достигает кульминации после появления Мышкина, который в метафизическом плане романа должен

преобразить и героиню, и мир: «Вообще вечер становился веселее, но не по-обычному» (8, 119). Вечер движется к игре, которую предложит «шут» Фердыщенко. Неожиданно появившегося на празднике Мышкина Фердыщенко сразу же хочет втянуть в игру и предполагает, что князь чем-то «заплатит за вход», например «модный романс споет» (8, 117). Однако, увидев, что князь «под особым покровительством» (8, 118) хозяйки вечера, Фердыщенко отступает.

Еще более выразительными и существенными для нашей темы словами встречает князя Мышкина генерал Епанчин: «Я, князь, от вас таких пружесов не ожидал, — промолвил Иван Федорович. — Да знаете ли, кому это будет впору? А я-то вас считал за философа! Ай да тихонький!» (8, 119) Обратим внимание на характерный галлицизм, которым генерал опишет поступок Мышкина, — «пруэс». Использование этого слова возможно для обозначения как смелого поступка, подвига, так и для поведения человека, занятого амурными похождениями. Напомним, что в пушкинском тексте на вызов Клеопатры прежде всего откликаются бесстрашный воин и ценящий наслаждения эпикуреец.

Далее о Мышкине продолжает размышлять вслух старичок-учитель: «И судя по тому, что князь краснеет от невинной шутки, как невинная молодая девица, я заключаю, что он, как благородный юноша, питает в своем сердце самые похвальные намерения» (8, 119). Точно так же в безымянном герое пушкинского произведения, ответившем третьим на вызов Клеопатры, Достоевский подчеркивал именно его юность и невинность: «Вот отрок; его имя неизвестно; но восторг любви сияет в очах его; неопытная сила юной, беспредельной страсти кипит в молодом его сердце» (19, 137).

Уместно вспомнить, как Достоевский выделял и распределял типы любви в соотношении с тремя разными персонажами романа. В рукописных набросках Достоевский отмечал:

В РОМАНЕ *ТРИ ЛЮБВИ*:

- 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин.
- 2) Любовь из тщеславия — Ганя.
- 3) Любовь христианская — Князь (9, 220).

Три героя Достоевского, претендующие на любовь героини, могут быть сопоставлены с тремя претендентами на любовь Клеопатры в произведении Пушкина, в обоих случаях здесь представлены разные типы отношения к жизни.

Еще одно сходство между двумя сюжетами, в центре которых находится страстная героиня, связано с тем, что поворотное решение, определяющее жизнь и смерть героев, реализуется через жестокую игру, развлечение. В романе Достоевского такое развлечение предлагает Фердыщенко. Показательно, что при популярности «пети жё» в светском обществе, Фердыщенко настаивает, что он знает «великолепнейшее

и новое пяти-жѣ <...>, такое, что однажды только и происходило на свете, да и то не удалось» (8, 120). Установка на совершенную оригинальность, уникальность предлагаемой игры является весьма необычной характеристикой для обыкновенного светского развлечения. Смысл предложенной игры держится на внешнем противоречии — значимый эффект должен произвести рассказ о самом низком поступке. В романе акцентируется особая реакция Настасьи Филипповны на это предложение: подчеркивается, что героиня увлекается именно «жестокостью» игры: «Унылый и брезгливый оттенок физиономий некоторых из гостей, может быть, еще более разжигал ее насмешливое желание; может быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи» (8, 121). С этими характеристиками героини романа «Идиот» вполне сопоставимы черты, которые отмечает Достоевский в пушкинской Клеопатре: «...это душа сильная, сломить ее еще можно не скоро; в ней много сильной и злобой иронии. И вот эта ирония зашевелилась в ней теперь» (19, 136).

Действительным разрешением ситуации «торга страстного» в романе «Идиот» станет предложение Мышкина, причем, что особенно существенно, — именно Мышкин предлагает героине свою жизнь, как и третий, страстный, претендент на любовь Клеопатры: «Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас...» (8, 138) Предложение Мышкина производит невероятное впечатление на присутствующих, но более всего на саму Настасью Филипповну. Отвечая на недоумение Епанчина, героиня признается: «А князь для меня то, что я в него в первого, во всю мою жизнь, как в истинно преданного человека поверила. Он в меня с одного взгляда поверил, и я ему верю» (8, 131). И позже, обращаясь к самому князю: «Спасибо, князь, со мной так никто не говорил до сих пор, <...> меня все торговали, а замуж никто еще не сватал из порядочных людей» (8, 142).

Уместно вспомнить, как Достоевский пишет о минутном преображении Клеопатры в пушкинском тексте после появления безымянного героя, который отзывается искренним чувством на страшный вызов царицы: «Он с радостью, даже с благодарностью отдает свою жизнь, он о ней и не думает; он глядит в лицо царицы, и в глазах его столько упоения, столько беспредельного счастья, столько светлой любви, что в гиене мгновенно проснулся человек, и царица с удивлением взглянула на юношу. Она еще могла умиляться!» (19, 137) Именно в этой финальной детали, по мысли Достоевского, кроется смысл пушкинского произведения: Пушкин, по словам Достоевского, «очеловечил свою гиену» (19, 137)¹⁷.

¹⁷ Об интерпретации Достоевским пушкинского текста писали, что он усложнил, психологизировал Клеопатру, «выткал свой собственный “мрачно-фантастический”, прихотливый узор» (Фридлендер Г. М. Эстетика Достоевского // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 112), что понимание Достоевского «не адекватно» пушкинскому стихотворению (Томашевский Б. В. Поэтическое наследие Пушкина (Лирика

Едва заметный потенциал возрождения низменной души, который Достоевский разглядел в пушкинской Клеопатре, становится определяющим мотивом в характере героини романа «Идиот». На какое-то мгновение, до появления Рогожина, Настасья Филипповна готова отбросить свою прежнюю жизнь, она говорит о жизни новой, отказывается от денег Тощкого и отпускает самого Тощкого, возвращает жемчуг Епанчину: «Завтра — по-новому, а сегодня — я именинница и сама по себе, в первый раз в целой жизни!» (8, 131) В этом плане сцена именин (напомним, что имя героини обозначает «воскресшая»), как будто сигнализирует о возможности преобразования героини, рождении ее к новой жизни. Не случайно, называя себя «мечтательницей», Настасья Филипповна говорит Мышкину о своей глубинной, потаенной мечте: «Разве я сама о тебе не мечтала? Это ты прав, давно мечтала, еще в деревне у него, пять лет прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь, — и вот все такого, как ты, воображала, доброго, честного, хорошего и такого же глупенького, что вдруг придет да и скажет: “Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!”» (8, 144).

Настасья Филипповна как будто желает отбросить роль царицы Клеопатры и превратиться в кающуюся грешницу. Именно это глубинное чувство и понимает сострадательный Мышкин: «Вы сейчас загубить себя хотели, безвозвратно, потому что вы никогда не простили бы себе потом этого: а вы ни в чем не виноваты. Быть не может, чтобы ваша жизнь совсем уже погибла» (8, 142).

В последней части романа Евгений Павлович напоминает знаменитую евангельскую сцену: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения?» (8, 482) Необходимо отметить ранний замысел Достоевского, сохранившийся в рукописных набросках к роману: писатель предполагал изобразить сцену венчания как «евангельского прощения в церкви блудницы» (9, 235). Этот замысел не был реализован, но фактически мысль о прощении блудницы присутствует в сцене именин, когда князь-Христос говорит о невиновности Настасьи Филипповны и зовет ее к новой жизни.

и поэмы) // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.: Л., 1964. С. 418). Обращаясь к художественным интерпретациям пушкинского сюжета о Клеопатре, В. Э. Вацуро объяснял появление возможности трактовки Достоевского отменой романтической аксиологии, см.: *Вацуро В. Э. Три Клеопатры* // Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged. 1995. Т. 21. С. 213–214. Современные интерпретации предлагают видеть в комментарии Достоевского к пушкинскому тексту пример сотворчества двух художников-мыслителей, см.: *Сараскина Л. И. Импровизация Достоевского на темы «Египетских ночей» Пушкина* // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждений: Международная научн. конф. 20–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 143–145; *Шилова Н. Л. Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина* // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 360–367.

В набросках к роману «Идиот» возникало сопоставление Настасьи Филипповны с Марией Магдалиной: «Аглая посещает Н<астасью> Ф<илипповну>. Говорит, что это подло играть роль Магдалины» (9, 217). Прямое сопоставление уходит из текста романа, однако сама тенденция, путь покаяния и жажда возрождения, сохранится в образе героини. Заметим, что в русской литературной традиции образ Марии Магдалины оказался не столь значимым, его вытесняют агиографические сюжеты, посвященные раннехристианским мученицам, прошедшим путь от греховности к праведной покаянной жизни, от страстности к святости. Наиболее значительным житийным источником для создания такого рода сюжетов стало житие св. Марии Египетской¹⁸.

История св. Марии Египетской¹⁹, которая почитается как покровительница кающихся женщин, отсылает нас к V в. Согласно житийным источникам, будущая святая, покинув родителей, ушла в Александрию, где стала блудницей. Преображение Марии происходит в Иерусалиме: после того как Мария не смогла войти в храм Гроба Господня, поскольку какая-то сила удерживала ее, она, осознав свою греховность, стала молиться перед иконой Богородицы. Когда Мария услышала повеление свыше, то приняла причастие и перейдя Иордан, поселилась в пустыне, где оставалась 47 лет в строгом посте и молитвах.

Мотив покаяния в структуре образа Настасьи Филипповны во многом предвосхищен швейцарской историей о «спасении» Мари, о которой рассказывает Мышкин в гостиной Епанчиных. Образ Мари также выстроен по модели житийной традиции. Сюжет соблазнения, поругания, глубинного раскаяния Мари восстанавливает в памяти раннехристианские произведения о преображении блудницы и грешницы в святую. Существенно, что именно Мышкин, князь-Христос, оказался спасителем Мари.

О знакомстве Достоевского с житием св. Марии Египетской свидетельствует развернутое высказывание о нем в тексте романа «Подорожник»: «Я запомнил, например, из этих рассказов один длинный рассказ — “Житие Марии Египетской”. О “житии” этом, да почти и о всех подобных, я не имел до того времени никакого понятия. Я прямо говорю: это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, как та раскаленная степь со львами, в которой скиталась святая» (13, 309).

¹⁸ *Завгородняя Г. Ю.* Образы Марии Египетской, Марии Магдалины и Клеопатры в русской литературе: христианское и языческое // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 42–63.

¹⁹ О значении образа св. Марии Египетской для русской литературы см.: *Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 156–157; *Климова М. Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 90–95.

Св. Марию Египетскую можно считать вторым прообразом Настасьи Филипповны Достоевского именно по причине того, что основу житийного сюжета создает противостояние греховной и святой жизни. Причем для раннехристианского произведения сюжет о св. Марии Египетской выглядит новаторским, мы узнаем о греховной жизни Марии из ее же рассказа монаху Зосиме, т.е. имеем дело не с последовательным изложением истории преобразования блудницы в святую, а видим образ блудницы через осмысление и раскаяние святой. Заметим, что в коротком изложении этого сюжета в романе «Подросток» Достоевский сделал акцент на местность, где подвизалась святая, — «степь со львами»; этот образ, как нам представляется, символизирует страсти, мучающие героиню. Это может означать, что страстность не оставляет святую и в эпоху ее покаянного образа жизни.

В романе «Идиот» стремление Настасьи Филипповны к другой, новой жизни осложняется не только жадой жгучего раскаяния и глубинным чувством вины, но и неискоренимой страстностью, которая накладывает свой отпечаток на самые благородные порывы. В исступлении Настасья Филипповна называет себя «рогожинской», «бесстыжей» (8, 136–137), «уличной» (8, 143), «распутной» (8, 144), хочет прокричать о своем позоре. Сложность внутреннего рисунка образа героини состоит в том, что в нем действуют одновременно разнонаправленные внутренние импульсы и движения. Мотив злобы становится продолжением страстной природы героини и определяет ее жестокость в отношении мира, одновременно эта же озлобленность героини направляется вглубь, что ведет к самоуничтожению и желанию собственной гибели: «На улицу пойду, Катя, ты слышала, там мне и место, а не то в прачки!» (8, 148) Мышкин видит глубинное противоречие, которое проявляется в этих разнонаправленных внутренних движениях героини: «Вы горды, Настасья Филипповна, но, может быть, вы уже до того несчастны, что и действительно виновною себя считаете» (8, 142).

Самое парадоксальное, что мотив искупления, возникающий в словах Настасьи Филипповны, соединяется с мотивом погружения во все больший разврат. Показательно, что в ранних редакциях романа этот мотив имел существенное значение, Достоевский предполагал дать описание «трехдневной оргии у Рогожина» (9, 226), кроме того, о героине неоднократно повторяется: «ведет себя скверно» (9, 216), «ведет себя развратно» (9, 217), «разврат неслыханный» (9, 227), «неистовость разврата Настасьи Филипповны» (9, 229).

Достоевский виртуозно выстраивает образ Настасьи Филипповны: любая ее характеристика оказывается предельно амбивалентной и может быть прочитана в двух противоположных планах. Так, красота, важнейшая характеристика героини, связывающая ее с разрушительной страшной силой царицы Клеопатры, вместе с тем может быть осмыслена как высшая благая ценность. Поскольку образ Клеопатры возникает в романе Достоевского через рецепцию Пушкина, то уместно

вспомнить наблюдение П. Фокина. Осмысливая многосоставную пушкинскую мифологию в романе «Идиот», исследователь обратил внимание на то, что Аглая Епанчина, ссылавшаяся на текст Пушкина, скорее всего, была знакома с ним по изданию П. В. Анненкова, где третий том, в котором было опубликовано стихотворение «Рыцарь бедный», открывался стихотворением «Красавица»²⁰. Напомним, что в пушкинском стихотворении воспеваются «святыня красоты», которая рождает молитвенное, благоговейное чувство. К смысловому полю романа нужно отнести также поэтическое послание Пушкина к А. П. Керн, поскольку в сцене обсуждения пушкинского романса о «рыцаре бедном» Аглая несколько раз воспроизводит из него строку, в первый раз неточно: «Это был какой-то светлый образ, “образ чистой красоты”» (8, 207). Тематически и образно к этим текстам примыкает и стихотворение Пушкина «Мадонна», где идеал красоты предстает как «чистейшей прелести чистейший образец», т. е. характеристика «чистоты» усиливается, удваивается.

Возвращаясь к сцене именин в романе, обратим особое внимание на возгласы Лебедева, с которыми он обращается к Настасье Филипповне при виде брошенной в камин пачки денег: «Матушка! Королева! Всемогущая! — вопил Лебедев, ползая на коленках перед Настасьей Филипповной и простирая руки к камину» (8, 145). Наименование «королева» встраивается в ряд ранее приведенных характеристик, отсылающих к образу Клеопатры. Однако несомненно, что в окружении наименований «матушка» и «всемогущая», т. е. традиционных обращений к Богородице, царице небесной, эта же характеристика звучит как утверждение власти иного порядка — власти духовного мира. Несмотря на то что эти смыслы снижены образом самого Лебедева, «простирающего руки» не к иконе, а к деньгам, они все же встраиваются в ряд диалектических характеристик Настасьи Филипповны. Здесь же можно отметить и одну внешнюю деталь: в сцене именин Настасья Филипповна кутается в мантилью; в истории этот предмет женского костюма выполнял разные функции — был украшением для дам высокого социального положения, но также использовался как покрывало, в том числе для исполнения религиозных ритуалов. То есть упоминание мантильи в портрете Настасьи Филипповны может свидетельствовать как о власти, так и о жажде покаяния и желании получить защиту от покрова Богородицы. Напомним, что св. Мария Египетская молится именно перед иконой Пресвятой Богородицы.

В портрете Настасьи Филипповны многократно подчеркнута ее бледность: «Красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» (8, 68) При этом бледность неразрывно связана с красотой: Настасья Филипповна «становилась ужасно бледна

²⁰ Фокин П. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 167.

и — странно — даже хорошела от этого» (8, 38). Романное слово напоминает о бледности античной статуи, не случайно статуя Венеры украшает дом Настасьи Филипповны. При описании тела убитой Настасьи Филипповны рядом с упоминаниями «белой простыни», «белого платья» сказано про «кончик обнаженной ноги», который «казался как бы выточенным из мрамора» (8, 503). Отсылки к образу античной богини, к языческой традиции усиливают представления о Настасье Филипповне как о героине страстной, порывистой, требующей любви. Но одновременно бледность является приметой внутренних страданий, внутренней напряженной работы, в житийных текстах эта портретная деталь характеризует героев-аскетов. Бледность становится и характеристикой Мышкина в романе: «В первое мгновение, когда он отворил ей дверь, он был бледен...» (8, 86) Бледнеет Рогожин, который застаёт Настасью Филипповну в доме Гани Иволгина: «Вид ее произвел на него необыкновенное впечатление; он так побледнел, что даже губы его посинели» (8, 95–96).

Уместно обратить внимание на то, как герои описывают воздействие на них Настасьи Филипповны. Например, Рогожин говорит: «Так меня тут и прожгло» (8, 11). Здесь реализуются устойчивые языковые метафоры — пламя страстей, огонь страстей, сгорать от страсти. Но вместе с тем такое воздействие облика героини Достоевского вполне сопоставимо с действием раннехристианских святых, с той силой, благодаря которой они способны преображать окружающих к добру и совершенству.

В художественном мире Достоевского страстность и святость осмысливаются как взаимодействующие, неразрывно связанные внутренние возможности женской природы. В сюжетном плане романа эта двойственность реализована в бесконечных побегах Настасьи Филипповны от Мышкина к Рогожину и обратно. Героиня мечется между христианской любовью Мышкина и страстной любовью Рогожина. При этом Настасья Филипповна желает «развязки» — это слово неоднократно появляется в сцене именин. По поводу приезда Рогожина Настасья Филипповна восклицает: «Вот и развязка! Наконец-то!» (8, 131) Предложение о замужестве Мышкина предполагает другую «развязку» для героини: «Развязка неожиданная... я... не так ожидала...» (8, 140) В символическом плане романа героиня как будто постоянно находится перед выбором, хочет достроить свой внутренний сюжет до конца — окончательно превратиться в Клеопатру или в христианскую святую. Однако такая окончательная определенность оказывается для нее невозможной. Очевидный контраст сюжетной линии романа Достоевского составляет путь героини повести Н. С. Лескова «Гора». Героиня «египетской повести» Нефора, прообразом которой также является королева Клеопатра, понятая через посредство пушкинского текста, до конца проходит путь преображения к христианской святости.

В романе Достоевского на протяжении всего пути в героине сталкиваются непримиримые и непреодолимые разнонаправленные силы, что свидетельствует о невозможности привести сюжетную ситуацию романа к однозначной развязке. Образ Настасьи Филипповны предстает как трагический, двоящийся именно благодаря его мифологическим источникам: прообразы Клеопатры и кающейся грешницы, включенные в него, спорят и сталкиваются между собой, лишая сюжетную линию Настасьи Филипповны смысловой завершенности.

По мысли Н. А. Бердяева, женской теме, которая неразрывно связана с пониманием любви, в мире Достоевского не принадлежит самостоятельной роли: «Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа»²¹. Женский мир, по мысли философа, мир стихийный и хаотичный, он не является цельным в собственной сущности и в самостоятельном бытии, он нуждается в обретении целостности через любовь мужчины. Однако в пределах романной реальности ни христианская любовь Мышкина, ни страстная любовь Рогожина не приводят к полному раскрытию женской сущности Настасьи Филипповны. Целостность для героини предстает возможной только через синтез двух полярных и противоречивых начал — страстности и святости. Трагическое завершение истории героини свидетельствует о фатальном несовершенстве, фатальной неполноте мира — о том, что для упомянутого синтеза автор не находит оснований в пределах земного существования.

Библиографический список

- Альтман М. С.* Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // Международные связи русской литературы: сб. статей. М.; Л., 1963. С. 359–369.
- Астафьева О. В.* Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра» // Владикавказские Пушкинские чтения. 1993. Вып. 1. С. 145–158.
- ий О. В.* Пушкин и Тьеполо // Пушкин и время. Томск, 2010. С. 305–307.
- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 107–223.
- Вацуро В. Э.* Три Клеопатры // Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged. 1995. Т. 21. С. 207–217.
- Гизетти А. А.* Гордые язычницы (К характеристике женских образов Достоевского) // Творческий путь Достоевского: сб. статей. Л., 1924. С. 186–196.
- Добролюбов Н. А.* Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 225–275.
- Евлампиев И. И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб., 2021. 600 с.

²¹ *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 161.

- Завгородняя Г. Ю.* Образы Марии Египетской, Марии Магдалины и Клеопатры в русской литературе: христианское и языческое // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, №2. С. 42–63.
- Касаткина Т. А.* «Ценою жизни ночь мою...» Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // Московский пушкинист. 1998. Вып. V. С. 16–21.
- Касаткина Т. А.* Роман Достоевского «Идиот»: пространство свободы // Достоевский и современность. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 79–86.
- Кибальник С. А.* «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына и творчество Достоевского (от круга чтения к стратегиям письма) // Культура и текст. 2016. №3 (26). С. 44–59.
- Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 156–157.
- Климова М. Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4 (24). С. 90–95.
- Левина Л. А.* Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский и мировая культура. СПб., 1994. С. 97–118.
- Лотман Ю. М.* У истока сюжета о Клеопатре // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 362–364.
- Новикова Е. Г.* «Мир спасет красота» Ф. М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX в. // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 97–124.
- Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 22–50.
- Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам: Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 93–97.
- Пушкин А. С.* Клеопатра // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Кн. 1 (Михайловское. 1824–1826). СПб., 2019. С. 19–22.
- Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. 456 с.
- Сараскина Л. И.* Импровизация Достоевского на темы «Египетских ночей» Пушкина // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждений: Международная науч. конф. 20–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 143–145.
- Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 23–87.
- Степанов Л. А.* Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 34–47.
- Степанян К.* Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 137–162.
- Томашевский Б. В.* Поэтическое наследие Пушкина (Лирика и поэмы) // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1964. С. 345–444.

- Фокин П. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 163–169.
- Фридлиндер Г. М. Эстетика Достоевского // Достоевский — художник и мыслитель. М.: Худ. лит.-ра, 1972. С. 97–165.
- Шилова Н. Л. Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 360–367.
- Шолти Г. Настасья Филипповна и Клеопатра. Поэтический процесс развертывания смысла в романе «Идиот» // Достоевский. Философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012. С. 165–172.
- Щетинин Р. Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 23 с.
- Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 92–159.

References

- Al'tman M. S. Dostoevskii i roman A. Diuma “Dama s kameliiami” [Dostoevsky and the novel by A. Dumas “The Lady of the Camellias”]. In: *Mezhdunarodnye sviazi russkoi literatury: sb. statei*. Moscow; Leningrad, 1963. Pp. 359–369. (In Russ.)
- Astaf'eva O. V. Antichnye istochniki stikhotvoreniia A. S. Pushkina “Kleopatра” [Antique sources of the poem by A. S. Pushkin “Cleopatra”]. *Vladikavkazskie Pushkinskie chteniia*, 1993, vol. 1, pp. 145–158. (In Russ.)
- Barskii O. V. Pushkin i T'epolo [Pushkin and Tiepolo]. In: *Pushkin i vremia*. Tomsk, 2010. Pp. 305–307. (In Russ.)
- Berdiaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's worldview]. In: Berdiaev N. A. *O russkikh klassikakh*. Moscow, 1993. Pp. 107–223. (In Russ.)
- Dobroliubov N. A. Zabitye liudi [Downtrodden people]. In: Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: in 9 vols., vol. 7*. Moscow; Leningrad, 1963. Pp. 225–275. (In Russ.)
- Evlampiev I. I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo* [The image of Jesus Christ in the philosophical worldview of F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, 2021. 600 p. (In Russ.)
- Fokin P. Pushkinskii kontekst romana “Idiot” [Pushkin context of the novel “The Idiot”]. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia*. Moscow, 2001. Pp. 163–169. (In Russ.)
- Fridlender G. M. Estetika Dostoevskogo [Dostoevsky's aesthetics]. In: *Dostoevskii — khudozhnik i myslitel'*. Moscow, 1972. Pp. 97–165. (In Russ.)
- Gizetti A. A. Gordye iazychnitsy (K kharakteristike zhenskikh obrazov Dostoevskogo) [Proud female pagans (Towards the characterization of Dostoevsky's female images)]. In: *Tvorcheskii put' Dostoevskogo: sb. statei*. Leningrad, 1924. Pp. 186–196. (In Russ.)
- Iakubovich D. P. Antichnost' v tvorchestve Pushkina [Antiquity in Pushkin's creative works]. In: *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii*, vol. 6. Moscow; Leningrad, 1941. Pp. 92–159. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. “Tsenoiu zhizni noch' moi...” *Pushkinskaia tsitata v “Idiote” Dostoevskogo* [“At the cost of life my night...” Pushkin's quote in Dostoevsky's “The Idiot”]. *Moskovskii pushkinist*, 1998, vol. V, pp. 16–21. (In Russ.)

- Kasatkina T.A. Roman Dostoevskogo “Idiot”: prostranstvo svobody [Dostoevsky’s novel “The Idiot”: a space of freedom]. In: *Dostoevskii i sovremennost’*. Velikii Novgorod, 2014. Pp. 79–86. (In Russ.)
- Kibal’nik S.A. “Dama s kameliiami” Aleksandra Diuma-syna i tvorchestvo Dostoevskogo (ot kruga chteniia k strategiiam pis’ma) [“The Lady of the Camellias” by Alexandre Dumas fils and the works of Dostoevsky (from the circle of reading to writing strategies)]. *Kul’tura i tekst*, 2016, no. 3 (26), pp. 44–59. (In Russ.)
- Klimova M.N. K izucheniiu zhitiinoi traditsii v russkoi literature XIX–XX vekov [On the study of the hagiographic tradition in Russian literature of the 19th–20th centuries]. *Vestnik TGPU*, 2009, vol. 4 (82), pp. 156–157. (In Russ.)
- Klimova M.N. Sviatost’ i soblazn (Obraz Marii Egipetskoi v russkoi literature) [Holiness and temptation (The image of Mary of Egypt in Russian literature)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4 (24), pp. 90–95. (In Russ.)
- Levina L.A. Nekaiushchaisia Magdalina, ili Pochemu kniaz’ Myshkin ne mog spasti Nastas’iu Filippovnu [The unrepentant Magdalene, or Why Prince Myshkin could not save Nastasya Filippovna]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul’tura*. Saint Petersburg, 1994. Pp. 97–118. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. U istoka siuzheta o Kleopatre [At the origin of the Cleopatra story]. In: Lotman Iu. M. *Pushkin*. Saint Petersburg, 1995. Pp. 362–364. (In Russ.)
- Novikova E. G. “Mir spaset krasota” F.M. Dostoevskogo i russkaia religioznaia filosofii kontsa XIX — pervoi poloviny XX v. [“Beauty will save the world” by F.M. Dostoevsky and Russian religious philosophy of the late 19th — first half of the 20th century.]. In: *Dostoevskii i XX vek*: in 2 vols., vol. 1. Moscow, 2007. Pp. 97–124. (In Russ.)
- Petrunina N.N. “Egipetskie nochi” i russkaia povest’ 1830-kh godov [“Egyptian Nights” and the Russian novel of the 1830s]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy*, 1978, vol. VIII, pp. 22–50. (In Russ.)
- Petrunina N.N. Iz kommentarii k pushkinskim tekstam: Pushkin, Zh.-Zh. Russo i Avrelii Viktor [From the commentary on Pushkin’s texts: Pushkin, J.-J. Rousseau and Aurelius Victor]. In: *Vremennik Pushkinskoi komissii*, iss. 22. Leningrad, 1988. Pp. 93–97. (In Russ.)
- Pushkin A. S. Kleopatra. In: Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*: in 20 vols., vol. 3: Stikhotvoreniia, book 1 (Mikhailovskoe. 1824–1826). Saint Petersburg, 2019. Pp. 19–22. (In Russ.)
- Saraskina L. I. *Vozliublennaia Dostoevskogo: Apollinariia Suslova: biografiiia v dokumentakh, pis’makh, materialakh* [Dostoevsky’s beloved: Apollinariia Suslova: Biography in documents, letters, materials]. Moscow, 1994. 456 p. (In Russ.)
- Saraskina L. I. Improvizatsiia Dostoevskogo na temu “Egipetskikh nochei” Pushkina [Dostoevsky’s improvisation on themes from Pushkin’s “Egyptian Nights”]. In: *Pushkin i Dostoevskii: Materialy dlia obsuzhdenii*: Mezhdunarodnaia nauchn. konf. 20–24 maia 1998 g. Novgorod Velikii; Staraiia Russa, 1998. Pp. 143–145. (In Russ.)
- Shchetinin R. B. *Dialog antichnoi i khristianskoi traditsii v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [Dialogue between the ancient and Christian traditions in the novel by F.M. Dostoevsky “The Idiot”]: Thesis of dissertation. Tomsk, 2009. 23 p. (In Russ.)

- Shilova N.L. Dostoevskii i problema interpretatsii “Egipetskikh nochei” Pushkina [Dostoevsky and the problem of interpreting Pushkin’s “Egyptian Nights”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2001, no. 6, pp. 360–367. (In Russ.)
- Sholti G. Nastas’ia Filippovna i Kleopatra. Poeticheskii protsess razvertvaniia smysla v romane “Idiot” [Nastasya Filippovna and Cleopatra. The poetic process of unfolding meaning in the novel “The Idiot”]. In: *Dostoevskii. Filosofskoe myshlenie, vzgliad pisatelja*. Saint Petersburg, 2012. Pp. 165–172. (In Russ.)
- Skaftymov A.P. Tematicheskaja kompozitsiia romana “Idiot” [Thematic composition of the novel “The Idiot”]. In: Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskanija russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 23–87. (In Russ.)
- Stepanov L.A. Stikhotvorenie Pushkina “Chertog sial...”: Istochniki i tvorcheskii process [Pushkin’s poem “The palace shined...”: Sources and creative process]. In: *Esteticheskie vzgliady pisatelja i khudozhestvennoe tvorchestvo*. Krasnodar, 1981. Pp. 34–47. (In Russ.)
- Stepanian K. Iurodstvo i bezumie, smert’ i voskresenie, bytie i nebytie v romane “Idiot” [Foolishness and madness, death and resurrection, existence and non-existence in the novel “The Idiot”]. In: *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia*. Moscow, 2001. Pp. 137–162. (In Russ.)
- Tomashevskii B. V. Poeticheskoe nasledie Pushkina (Lirika i poemy) [The poetic legacy of Pushkin (Lyrics and poems)]. In: Tomashevskij B. V. *Pushkin*, book 2. Moscow; Leningrad, 1964. Pp. 345–444. (In Russ.)
- Vatsuro V.E. Tri Kleopatry [Three Cleopatras]. In: *Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged.*, 1995, vol. 21, pp. 207–217. (In Russ.)
- Zavgorodniaia G. Iu. Obrazy Marii Egipetskoi, Marii Magdaliny i Kleopatry v russkoi literature: khristianskoe i iazycheskoe [Images of Mary of Egypt, Mary Magdalene and Cleopatra in Russian literature: Christian and pagan]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 42–63. (In Russ.)